
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

П.Н. Ключкин

РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(1890–1935)

Научный доклад

Москва
Институт экономики
2014

Клюкин П.Н. Российская традиция экономического анализа (1890–1935). – М: Институт экономики РАН, 2014. – 54 с.

ISBN 978-5-9940-0465-4

В докладе на обширном текстологическом материале обосновывается и развивается идея о существовании в России традиции экономического анализа в «инновационный период» 1890–1935 гг. Включая имена таких ученых, как М.И. Туган-Барановский, В.К. Дмитриев, Н.Н. Шапошников, В.И. Борткевич, Г.А. Харазов, Е.Е. Слуцкий, Н.Д. Кондратьев, В. Леонтьев, эта традиция работала на уровне международных стандартов. Однако в силу ряда причин она до сих пор не изучалась в историко-экономической науке как единое целое, с нужной степенью детализации и в то же время общности. Это изучение, между тем, несет в себе мощный эвристический потенциал для осмысления проблем современной жизни.

Помимо собственно описания традиции по этапам становления и проблематике, приведены аналитические достижения отечественных экономистов, которые можно упорядочить в рамках обобщенной аналитической схемы. Для целостного восприятия темы использованы архивные и иные малоизвестные данные биографического характера. На основе предложенного подхода к анализу отечественного экономического наследия указанного периода высказывается ряд соображений относительно возможной структуры истории российской экономической мысли. Намечены перспективы дальнейшего изучения богатого наследия российских экономистов.

Ключевые слова: российская традиция экономического анализа, Туган-Барановский, Дмитриев, Слуцкий, Борткевич, Харазов, Кондратьев, В. Леонтьев, австрийская школа.

Классификация JEL: A14, B12, B13, B16, B24, B25, B31, B41, C65.

Klyukin P.N. The Russian Tradition of Economic Analysis (1890–1935). – (Research report). Moscow, RAS Institute of Economy, 2014. – 54 p.

On basis of extensive textual sources the report settles and develops idea of existence of the Russian tradition of economic analysis during the so called «innovation period» 1890–1935. This tradition includes the names of high-talented scholars such as M.I. Tugan-Baranovsky, V.K. Dmitriev, N.N. Shaposhnikoff, L. von Bortkiewicz, G. von Charasoff, E.E. Slutsky, N.D. Kondratieff, W. Leontieff. Their transactions were made on the world-class level standards. However, for various reasons it has not yet been studied in historical and economic science with the proper detail and – at the same time – generality analysis. It has not yet been conceived as a whole body. This study, meanwhile, carries out a powerful heuristic potential for understanding the economic problems to date.

In addition to the description of tradition, i.e. description of its stages and problems, the analytical achievements of Russian economists is described. They can be indeed covered by the generalized analytical scheme. For a holistic perception of the Russian economics theme some archival and other little-known biographical data are involved. Based on the proposed approach to the analysis of Russian economic legacy a number of reasons and considerations are suggested, as concerned possible structural framework of the history of Russian economic thought. The prospects of further Russian studies are proposed.

Keywords: Russian tradition of economic analysis, Tugan-Baranovsky, Dmitriev, Slutsky, Bortkiewicz, Charasoff, Kondratieff, W. Leontieff, the Austrian School.

JEL-Classification: A14, B12, B13, B16, B24, B25, B31, B41, C65.

ISBN 978-5-9940-0465-4

© Институт экономики РАН, 2014

© Клюкин П.Н. 2014

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Идентификация традиции: абстрагирование от историко-экономических напластований и принцип возвратного движения	5
Глава 2. Аналитическое представление достижений традиции	20
Приложения.....	33
1. Формальное описание эволюции интеллектуальной традиции	33
2. Российская традиция экономического анализа как «базисный ряд»	36
Заключение	46
Литература.....	48

ВВЕДЕНИЕ¹

На одном из прижизненных заседаний последних лет акад. Л.И. Абалкин (1930–2011) четко высказал мысль о необходимости создания концепций, с которыми Институт экономики мог бы выступить в области теории. В этом ракурсе, как это не удивительно, важны его многолетние исследования, посвященные поиску национальной школы экономической науки. Тем не менее, они имеют несколько другое значение, нежели то, которое им придавалось ранее и придается еще и теперь. Тезис о существовании самобытной российской экономической школы (Абалкин, 2000, и др.) нужно понимать не как поиск неких национальных особенностей. Таких особенностей, коль скоро экономика есть наука, посвященная выявлению объективных закономерностей хозяйственного бытия, видимо, нет. Речь идет скорее о том, была ли у российских экономистов конца XIX – начала XX в. своя теоретическая «ниша» в исследованиях и можно ли на основании идей российских экономистов сформировать концепцию, которая имела бы в настоящее время теоретические претензии. Поиску решения этой задачи и посвящен настоящий доклад.

1. Автор выражает благодарность проф. М.Г. Покидченко за ценные замечания по данной работе. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00698).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРАДИЦИИ: АБСТРАГИРОВАНИЕ ОТ ИСТОРИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАПЛАСТОВАНИЙ И ПРИНЦИП ВОЗВРАТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Первый этап исследования заключается в отборе и систематизации накопленных к настоящему моменту историко-экономических сведений. Пестрая палитра течений и оттенков российской экономической мысли нуждается в осмыслении.

В последней четверти XIX в. российская экономическая наука вышла на международный уровень, обозначив свое место среди стран-лидеров, таких как Англия, Франция, Германия. До этого периода происходила адаптация – в целом усвоение и использование идей западных экономистов (Покидченко, 2013). И только с конца XIX в. российские экономисты начинают выдвигать оригинальные идеи, интересующие международное сообщество. Почин принадлежит М.И. Туган-Барановскому (1865–1919, Харьков), создавшему первую эндогенную теорию циклов. «Его теория ворвалась в науку, как свежий морской ветер. Он правильно указал на главную особенность цикла – колебания размеров инвестиций. Эти суждения знаменуют собой поворотный пункт в теории экономического цикла» (Харрод, Хансен, 1997, 2, с. 21–22).

Однако уже здесь становится ясно, что экономическая мысль нуждается в аналитической реконструкции. Дело в том, что историография указывает нам на естественное продолжение традиции Туган-Барановского в лице теории Н.Д. Кондратьева, попыткой продолжения которой предполагается, с одной стороны, «школа русского циклизма» (Яковец, 2002, с. 715), а с другой – концепция технологических укладов (Глазьев, 1993). Обе не в полной мере

задействуют потенциал российской экономической мысли прошлого². Будем считать, что предмет нам пока не задан, а его нужно будет найти в процессе исследования, решив задачу «заполнения пустот». Обращение к Туган-Барановскому в этой связи порождает и другую проблему российской экономической мысли — проблему начала. Здесь наблюдается еще одна абберрация некритической историографии: это дилемма «народники — марксисты». В ракурсе этой дилеммы Туган-Барановский попадает в число «легальных марксистов», наряду с именами П.Б. Струве и С.Н. Булгакова, между тем как его концепция существенно другая и имеет иное значение для развиваемого нами подхода российской традиции экономического анализа.

Воспользуемся идеей проникнуть в образ мыслей экономиста и понять логику его мыслительного развития. В этом смысле всегда важно начинать с начала творчества, поскольку оно несет в себе зародыши идей. Первой в творчестве Туган-Барановского была статья (Туган-Барановский, 1890), в которой он сделал две вещи. Во-первых, указал на идею «органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности». И, во-вторых, дал первый образец ее реализации в духе соединения теорий К. Маркса (и Д. Рикардо), с одной стороны, и австрийской школы (прежде всего в лице К. Менгера), с другой. Разумно оттолкнуться от этих двух моментов и рассмотреть их эволюцию. Ведь 1-й момент есть естественный факт знакомства с современным состоянием мировой науки³. Тем самым мы, по-видимому, адекватно схватим дух исследований того времени, потому что «желание синтеза было очень сильно в русской литературе» (Железнов, 2003, с. 285).

Важным аспектом, обусловившим такой вариант синтеза Туган-Барановского, было владение математическим методом и познавательное отношение к нему. «Я вообще отнюдь не сторонник математического метода в политической экономии и думаю, что ничего нового в нашей науке этим путем не открыто... Считаю его непригодным для открытия новых истин, но в некоторых случаях

-
2. Отметим, что добавление к Кондратьеву идей Й. Шумпетера приводит к эволюционной экономике, — направлению, которое продуктивно развивается в одноименном Центре под руководством акад. В.И. Маевского.
 3. Точнее будет сказать «факт погружения в среду», потому что осведомленность российских экономистов относительно положения дел на Западе была в целом высокой.

единственно возможным приемом доказательства... Скорее являюсь противником так называемой математической школы, когда эта школа мечтает преобразовать политическую экономию при помощи математики, а это, по-моему, неосуществимо» (Неизвестный М.И. Туган-Барановский... 2008, с. 126). С позиций этого взгляда связывать прогресс в российской экономической мысли с приходом в Россию маржинализма также не вполне естественно. Равно как и отождествлять эту мысль с эволюцией собственно экономико-математического направления, которое начинается либо с А.И. Чупрова и Ю.Г. Жуковского (Шухов, 1987), либо с Н.Г. Чернышевского, впервые применившего математический метод (Белых, 2007, с. 6). Четкое осознание необходимости начинать российскую традицию с Туган-Барановского было у проф. Г.Н. Сорвиной (РАГС, в настоящее время РАНХиГС).

Конкретная реализация Туган-Барановским принципа органического синтеза требует более пристального рассмотрения зарождающейся традиции в нескольких, если так можно выразиться, измерениях. Поэтому нужно придумать новый принцип изучения наследия российских экономистов. Назовем его принципом возвратного движения⁴. Его эвристическая сила связана не только с тем, что он позволяет искать идеи у отдаленных во времени предшественников (естественный процесс для ищущей мысли). Важно, что он представляет собой программу, позволяющую сделать своего рода «слепок сознания» экономиста. Эта программа состоит из трех этапов.

На 1-м этапе фиксируется контекст и среда, в которой функционирует ученый; они служат для него источником постановки проблемы. Ценность статьи (Туган-Барановский, 1890) заключается именно в том, что вводится контекст международной среды. Обозначая ее как маржинализм, мы теряем в точности, потому что маржинализма в трудах Туган-Барановского на самом деле практически не встречается. В трудах следующего за ним В.К. Дмитриева это также спорный вопрос (Schefold, 1992). Этот этап имеет тот смысл, что позволяет соотносить того или иного российского эконо-

4. Строго говоря, это движение является возвратно-поступательным, но поскольку в истории экономической мысли укоренено представление о линейном движении вперед, то из методологических соображений необходимо делать акцент на составляющей возвратного движения.

номиста с соответствующим ему репрезентантом на Западе и смотреть на параллельное движение традиций. Оппонентом Туган-Барановского, например, будет не А. Маршалл, о чем часто упоминается, а один из теоретиков австрийской школы, прежде всего К. Менгер. Маршалл будет оппонентом для Дмитриева.

2-й этап реализует собственно *возвратное движение* для поиска предшественников в решении поставленной проблемы, союзников по методологии и общим мировоззренческим установкам. Оно заранее не задано и может быть самым разным. В нем заключена эвристическая сила принципа в целом. От исследователя зависит, как далеко он дойдет в своем опыте и кого именно он выберет в качестве предшественника (пример Дж.М. Кейнса и его переоценки меркантилистов и Т.Р. Мальтуса). Акцент на эвристическом характере принципа диктовали в целом специфические условия проблемного поля, в котором развивалась традиция. Во-первых, проблемы в целом не так ярко обозначались и ставились, как в естественных науках. И, во-вторых, характер самой проблематики свидетельствовал о значительном запаздывании в развитии темы. Пример «Кенэ — Маркс» в теории хозяйственного кругооборота, с расстоянием около 100 лет, является в этой связи достаточно характерным. Кроме того, движение традиции не является ритмичным и периодическим, поэтому более правдоподобным выглядит выявление тенденций на более длительном интервале времени.

3-й этап — собственно решение проблемы — означает движение вперед, развитие традиции, в которой работает ученый. Туган-Барановский через возвратное движение к «Экономической таблице» Кенэ пришел к своей теории рынка, а от нее к дезорганизованному хозяйству, ослабляемому кризисами, «вычерчивая кривые колебаний цен многих десятков товаров за многие десятки лет» (Неизвестный... 2008, с. 126). В этой связи стоит отметить, что в историографии, как мы ее находим сегодня, теории кризисов Туган-Барановского уделялось на порядок больше внимания, чем теории рынка. Однако и последняя, что характерно, трактовалась буквально, как модификация схем реализации Маркса (Р. Люксембург). Принцип возвратного движения позволяет осуществить реконструкцию той или иной концепции в структуре общей теории. Так, теория рынка занимает в теории Туган-Барановского то же место,

что «Таблица» в физиократическом учении Кенэ, а теория кризисов — место двух динамических «Проблем» Кенэ (Маркс, 2011, II).

Суммируя все три момента, важно отметить необходимость их связи. Если таковой не наблюдается, особенно между 2 и 3 элементом, то речь идет скорее всего не об интеллектуальной традиции, а о чем-то ином⁵. В случае Туган-Барановского 2 и 3 элемент связаны через его произведения 1890, 1894 (3-е изд. «Кризисов» 1914) и 1905 г.

Стоит отметить, что 3-й элемент возвратного движения у всех представителей российской традиции после Туган-Барановского содержал критику австрийской школы, прежде всего в теории капитала. Между тем как 1-й элемент был существенно обогащенным (по сравнению с другими направлениями) за счет владения математическим методом, ибо тот открывал доступ к большему числу сочинений западных экономистов.

После Туган-Барановского мы переходим к *В.К. Дмитриеву* (1868–1913, Смоленская губерния). Этот переход был подготовлен исследованиями и трудами проф. Г.Н. Сорвиной в середине 1990-х годов. 1-й момент возвратного движения фиксируется во фразе, что статья (Туган-Барановский, 1890) намечает «...целую программу построения законченной теории ценности (на реалистичной основе), в которой должны были найти себе место обе теории, как вполне законные, взаимно дополняющие друг друга части, являющиеся результатами изучения одного и того же явления ценности с различных точек зрения» (Дмитриев, 1901, с. 142). Дмитриев здесь может быть соотнесен с Маршаллом, о котором он, как показывают архивные данные, в период создания «Экономических очерков» (не позднее весны 1897) не знал. 2-й момент реализуется обращением к теориям А. Смита и Д. Рикардо. Формализуется «догма Смита», однако от критики Маркса удерживают общность исследования (использование математического метода) и новации Дмитриева в теории Рикардо. Исследование Дмитриева уже полностью вклинивается в течение западной науки (Блюмин, 1928, II). Тем не менее,

5. Поэтому есть склонность к тому, чтобы мыслить интеллектуальную традицию не так, как это делается в книге (Холтон, 1981), где речь идет о «тематических традициях». При близости нашего подхода с подходом Холтона его «темы» все-таки являются заданными диспозициями (Там же, с. 9–11, 19–25), что нивелирует эвристическую ценность возвратного движения.

и это, казалось бы, бесспорное мнение нуждается в корректировке, потому что оно не объясняет последующее погружение Дмитриева в гущу проблем народной жизни в книге «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» (1911).

Следующий представитель российской традиции — *Н.Н. Шапошников* (1874–1939, Москва, МГУ), хотя против данного мнения, высказанного в (Железнов, 2003), есть веские основания, связанные с заслугами В.И. Борткевича и особенно Е.Е. Слуцкого. Тем не менее, именно Шапошников первым осуществил осознанную критику теории капитала и процента О. фон Бем-Баверка в части «окольных методов производства». Это тот именно пункт, о котором позже было сказано, что это основное в критике теории капитала мейнстрима (Samuelson, 2001, p. 301). Помимо П.Б. Струве Шапошников был самым близким из людей, знавших Дмитриева и беседовавших с ним на экономические темы (Дмитриев, 2001, с. 501). Он выполнил поэтому и важную просветительскую функцию: для прочного поступательного развития традиции необходимо иногда приостановить свой ход и осознать уже сделанное.

1-й момент возвратного движения реализуется у Шапошникова в «органическом синтезе», но в отличие от Туган-Барановского он видит стороны синтеза в учениях Д. Рикардо и Л. Вальраса (Шапошников, 1909; 1912а). Однако слишком буквальное истолкование проблемы привело к поучительному тупику в теории ценности, когда ему пришлось двигаться в русле Маршалла (1890). Поэтому 2-й момент возвратного движения, если мы хотим найти у Шапошникова новизну, требует обращения к теории хозяйственного кругооборота. Шапошников апеллирует к наследию К. Родбертуса, который еще никем в российской историко-экономической науке серьезно не изучался. В результате возникает схема хозяйственного кругооборота экономики, в которой происходит обмен между тремя подразделениями. В отличие от схем Кенэ и Маркса Шапошников делает акцент на предметах конечного потребления, т.к. они являются целью производственной системы общества (Шапошников, 1912b, с. 53–66).

Для *В.И. Борткевича* (1868–1931, Санкт-Петербург), следующего представителя традиции, предмет исследования был в принципе задан: это продолжающиеся дискуссии о «большом

противоречии» между I и III томами «Капитала», которые были инициированы Бем-Баверком и В. Лексисом. В отличие от марксистов и критиков марксизма он занял срединную позицию, пополнив число немногочисленных сторонников критического марксизма. В то же время отношение к «органическому синтезу» у Борткевича так и осталось двойственным. С одной стороны, он продолжал его признавать (Bortkiewicz, 1921), с другой – наличие эклектических элементов в его подходе в сочетании с самокритичностью (наблюдение Й. Шумпетера и других) не позволили получить значимых результатов. Раннее знакомство с «Элементами» Вальраса и опыт личного общения с автором, советовавшим «юному славянскому другу» не забывать о статистике, по-видимому, определили характер взглядов Борткевича. Его основной вклад с точки зрения синтеза был на стороне теории трудовой ценности, а не на стороне полезности.

2-й момент возвратного движения содержал у Борткевича разнородные элементы: теорию ценности Рикардо, цепь одновременных хозяйственных связей А. Маршалла, идею равновесия в трактовках Вальраса и Дж.С. Милля. Кроме того, он слишком буквально подошел к уравнениям Дмитриева, вследствие чего их применение было больше формальным, нежели полностью экономически осмысленным (Bortkiewicz, 1906–1907). По этим причинам он так и не стал первым неорикардянцем, несмотря на значительный прогресс в столь сложной теме, как корректная формализация положений «Капитала» Маркса. 3-й пункт возвратного движения реализовался у Борткевича в решении «проблемы трансформации стоимостей в цены производства», – процедуре, позволяющей соединить стоимости / ценности I тома и цены III тома. Неоднозначность решения проблемы была выявлена в ходе долгой дискуссии с участием Ф. Сетона, П. Самуэльсона и др., в ходе которой выяснилось, что «долгая и извилистая дискуссия по «проблеме трансформации» продемонстрировала то, что Дмитриев осознал уже в 1904 г.: невозможность согласования этого [неорикардянского] типа анализа с Марксовой теорией, объясняющей прибавочную стоимость в терминах эксплуатации живого труда» (Schefold, 1996, p. 1319).

Между тем именно Борткевич первым из российских экономистов перешел от исследования экономики по принципу

каузальных связей Маркса к исследованию взаимных зависимостей отраслевых параметров. Показательно, что Дмитриев хранил молчание по поводу марксологических работ Борткевича, но в то же время с большой похвалой отзывался о его статистических работах.

Понимание «Капитала» Маркса в духе «процедуры трансформации» обнаруживает развилку в развитии отечественной традиции. Был соблазн увлечься этим современным пониманием «Капитала», тем более что именно в русле этого взгляда «Капитал» практически весь XX в. трактовался в западном мейнстриме. Тот же, кто не доверял математике, вставал на позицию трактовки «большого противоречия» в качественном виде (Бем-Баверк).

Г.А. Харазов (1877–1931, Тифлис) был тем, кто опять-таки удержался на серединной позиции. 1-й момент возвратного движения он унаследовал от Борткевича, причем в силу характера и амбиций воспринял ее в более узком и концентрированном варианте. «В обществе Маркса» Харазов, по его же собственным словам, провел в общей сложности более 25 лет. Он поставил себе амбициозную задачу «усовершенствовать политическую экономию в позитивном направлении» (Charasoff, 1910, s. XVI). 2-й аспект возвратного движения характеризовался у Харазова той же глубиной и обширностью, что и у Дмитриева. В отличие от Борткевича, в споре «Рикардо – Маркс» (в теории ценности) Харазов встал на позиции Маркса, но сохранил в качестве аналитического инструмента «эффект Рикардо» о влиянии динамики заработной платы на относительные цен товаров в капиталоемких и трудоемких отраслях. Харазов оперировал со всем предшествующим Марксу рядом экономистов, рассматривая взгляды каждого с точки зрения прогресса теории и не находясь при этом под определяющим влиянием «Теорий прибавочной стоимости». В итоге он осуществил повторное (вслед за Туган-Барановским) возвращение к «Таблице» Кенэ и использовал ее в качестве рабочего инструмента для анализа конструкции «Капитала». Для того чтобы увязать между собой стоимости и цены Харазов придумал новый тип диалектики – так называемую производственную диалектику, основанную на генеалогии рядов производства. Ее прообразы были уже у Кенэ, что специально отмечалось Мирабо-старшим в 1760 г. (Физиократы..., 2008, с. 736–737, 844). Суть состоит в том, что капиталы и продукты сменяют друг друга, и этот процесс может быть

представлен в качестве последовательной смены поколений основного и оборотного капиталов. Результаты, полученные Харазовым, обобщены в схеме (1) (см. гл. 2). Имя это совершенно необходимо для цементирования российской традиции. В его отсутствие традиция распадается на цепочки «Туган-Барановский – [Кондратьев]», «Дмитриев – Слуцкий», «Борткевич», и традиция теряет жизнеспособность.

Оставленная Харазовым в стороне теория предельной полезности по независящим от него причинам (3-я его книга не была опубликована) получила развитие в работах *Е.Е. Слуцкого* (1880–1948, Киев). В отличие, например, от Шапошникова Слуцкий проделал более сложный путь прежде чем нашел конструктивный предмет исследования. В результате опыт органического синтеза остался у него по существу промежуточным этапом (Теория предельной полезности, 1910: см. Слуцкий, 2010). «Мюнхенские письма» (1903–1905, не опубликованы) несут на себе печать серьезного увлечения Марксом. Здесь Слуцкий чувствовал себя теоретически одиноким. «Марксист и в то же время кантианец; для одних чужд как марксист, для других – как кантианец. Правда, о том, что общественная наука, построенная Марксом, должна оплодотворяться критическим духом Канта, – об этом кричали. Но те, кто кричали, обнаружили пока неспособность понять Маркса. В деле практического выполнения идеи «синтеза» они ничего не дали. Я говорю главным образом о наших «критиках марксизма» – Струве, Бердяеве, Булгакове, да и кой о ком из немцев»⁶.

Уже с осени 1904 г. у Слуцкого начинают появляться признаки самостоятельной теоретической мысли, определившей, по словам его будущей супруги Ю.Н. Володкевич (Слуцкой), контуры той работы, которая стала «делом его жизни». «Я стою сейчас в самом начале науки» – говорит Слуцкий, приступая к разработке теории ценности. В эти годы для Слуцкого уже было характерно желание перестроить все здание современной науки. Его итоговое обращение к теории предельной полезности в 1907–1908 гг. имеет в основе драматичную историю сочетания объективистской точки зрения (ср. его деятельность в отношении рабочих на заводах) и

6. РГАЛИ, ф. 2133, оп. 2, д. 49, л. 80 – 80 об.

начал психологии в варианте проф. А.И. Петражицкого. То, что мы знаем как статью 1915 г., в свете этого есть не более чем эрзац задуманной Слуцким «общей теории деятельности».

В цикле работ, относящихся к периоду до 1917 г., 2-й момент возвратного движения характеризовался у Слуцкого обращением к У. Петти (1914) и поиском объективной точки зрения. Она была реализована в 1915 г. в виде «построения полезности на логически независимой основе от всякой подлежащей спору гипотезы или понятия» (Слуцкий, 2010, с. 449). Еще раньше, в 1910 г. Слуцкий строил общую схему человеческой деятельности, допускающую, тем не менее, статистическую проверку на данных потребительских бюджетов (там же, с. 143–144). Многогранность работ Слуцкого 1910–1915 гг. и математический характер статьи 1915 г. побуждают в этой связи предметно обратиться к проблематике хозяйственного кругооборота и интерпретировать их в объективном духе. Это возможно сделать, в отличие, скажем, от работ А.Д. Билимовича 1909–1914 гг., которые носят субъективистский характер. Неудивительно, что глава Киевской школы расценивал идею об органическом синтезе «неизбежно обреченной на неудачу» (Билимович, 1919, с. 267). Эти обстоятельства означают, что Слуцкий, в отличие от Билимовича, находится в русле российской традиции экономического анализа, несмотря на наличие других точек зрения.

С исследованиями Слуцкого заканчивается 1-й этап развития отечественной аналитической традиции. Российскими экономистами были созданы базовые теории ценности, конкуренции, полезности, кризисов и циклов, было сформировано теоретическое непредвзятое отношение к «Капиталу» Маркса, применен, и с успехом, математический метод. Важно отметить, что конструкции многих других экономистов (может быть, за исключением А.В. Чаянова) можно свести к указанным базовым (см. § 2 главы «Приложения»).

При обращении к эпохе 1920-х годов важно удержаться на той точке зрения, что это время, с одной стороны, значительно отличается от дореволюционного периода развития экономической мысли, а с другой — сохраняет с ним преемственность. Если первый аспект позволяет различить «первое поколение» и «второе поколение» экономистов, то второй необходим для понимания *единства*

аналитической традиции России и *непрерывности* ее поступательного развития.

2-й этап развития российской традиции экономическо-го анализа (1917 – первая половина 1930-х гг.). Тематически он уже не был связан с осмыслением органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности (хотя интерес к теме ощущался, например, в Кондратьевском Конъюнктурном институте), а также с непосредственным отношением к «Капиталу». Вследствие назревших практических задач государственного планирования изменился и *характер возвратного движения*: экономисты 2-го этапа опираются больше на построения экономистов 1-го этапа, чем на классических авторов политической экономии. Среди классических авторов постепенно начинает господствовать Маркс. Далее, стремление отразить реалии современного капитализма побуждало авторов делать акцент на 1-м аспекте возвратного движения, а не на 2-м.⁷ В этот период фактор проблематики хозяйственного кругооборота для сохранения жизнеспособности традиции, удерживания ее от растворения в многообразных течениях и направлениях играет существеннейшую роль. Поэтому в традицию на втором этапе включаются В. Леонтьев, Н.Д. Кондратьев и опять же Е.Е. Слуцкий. Конечно, ими не исчерпывается весь круг оригинальных теоретиков. Например, были А.А. Богданов-Малиновский, В.А. Базаров, В.Г. Громан, Л.Н. Крицман, М. Баренгольд и др. Однако в их трудах принцип возвратного движения был выражен недостаточно отчетливо, и соответственно, преемственность с предшествующим поколением ученым также была меньше. Это касается, в частности, работ Г.А. Фельдмана.

По силе возвратного движения В. Леонтьев (1905–1999, Мюнхен, Санкт-Петербург) является первым экономистом в указанную эпоху. Цикл его работ 1925–1936 гг. указывает не только на связь с идеями Кенэ (о чем много говорилось), но и на творческую переработку идей Дмитриева, Борткевича, а также Туган-Барановского. Он является выходцем из недр российской традиции и ее видным представителем.

7. По отношению к социализму эта тенденция наблюдалась еще отчетливее (см. недавно опубликованные избранные произведения В.А. Базарова в серии «Экономическая история в прошлом и настоящем»).

1-й момент возвратного движения реализовался у Леонтьева в девизе «Хозяйство как кругооборот» (Леонтьев, 1990; 2008, с. 934). Однако помимо изучения Баланса Союза ССР на 1923/1924 г. перед Леонтьевым в общем смысле стояла задача понять глубинное устройство экономической системы (Гранберг, 2006, I, с. 9). У него перед глазами была статическая система хозяйственного кругооборота Й. Шумпетера (1912). Кроме того, имелись основополагающие построения Дж.Б. Кларка, О. фон Бем-Баверка и И. Фишера. Материала для возвратного движения было более чем достаточно. В диссертации «Хозяйство как кругооборот» (1928) осуществлялся поиск нового языка, с помощью которого можно было бы описать систему кругооборота хозяйственных благ. Поэтому она прежде всего «топологическая и таксономическая» (Самуэльсон, 2008, с. 992). 3-й этап возвратного движения и сегодня представляет интерес, поскольку всю систему «затраты-выпуск» Леонтьев, как выясняется, создал в период работы в г. Киле в Институте мирового хозяйства (О чем думают... 2010, с. 58), где существовала знаменитая «Кильская группа» (А. Лева, Г. Кольм, Г. Найссер, Ф. Буркхардт, А. Келер, а также Р. Нурксе и американский экономист российского происхождения Я. Маршак, Jacob Marschak, 1898–1977). Она стояла у истоков макроэкономики как науки еще до появления Кейнса, а затем после эмиграции образовала Новую школу социальных исследований в Нью-Йорке.

Но в целом акцент Леонтьева был сделан на практическую реализацию метода «Экономической таблицы». Любопытно сравнить Леонтьева и Харазова. Леонтьев не переосмысливает, по существу, физиократические идеи Кенэ, как это делал Харазов, а под влиянием советского Баланса 1923/24 г. (разработанного в ЦСУ группой российских статистиков под руководством П.И. Попова) и практических проблем нового времени ставит задачу применить «Tableau économique» к реальной экономике, наполнить ее конкретным статистическим содержанием (1925–1936).

Более нетривиальный вариант возвратного движения обнаруживает творчество Слуцкого в период 1920-х годов. После пионерной работы в области статистики (1922) он осуществляет возвратное движение в область статистической мысли, к С.-Д. Пуассону и переосмысливает понятие случайности и закона больших чисел.

Его новации отразились в началах эконометрики (1927), в критике Бем-Баверка, а также в началах праксеологии (1925–1927). В этот период Слуцкий также находится в русле российской традиции экономического анализа, несмотря на утверждения о его переходе из экономики в статистику (Четвериков, 1959). Однако его наследие нуждается в серьезном осмыслении.

Н.Д. Кондратьев (1892–1938, Костромская губерния), стремясь к созданию теории экономической динамики, был менее мотивирован осуществлять возвратное движение. В принципе он ограничился делением теорий на статические и динамические (1924). Тем больший интерес представляет эвристическое применение этого принципа к Кондратьевскому наследию, особенно в период интенсивного поиска материальной основы больших циклов (1925–1928 гг.) (Клюкин, 2014).

В свете соотнесения Кондратьева с традицией экономического анализа важно иметь в виду две особенности его устремлений. Во-первых, Кондратьев всю сознательную жизнь искал продуктивный синтез экономической теории и статистики, во многом потому, что начинал с Санкт-Петербургской статистической школы (во главе с А.А. Чупровым) и не имел готовой парадигмы в экономической теории. Во-вторых, его собственные исследования нужно отделять от исследований возглавляемого им Конъюнктурного института. По существу, только уже находясь в заключении, Кондратьев сумел сосредоточиться на изложении главных идей своей жизни в области экономической динамики (3-й момент возвратного движения). Материал «Бутырской рукописи» 1930–1931 и «Суздальских писем» 1932–1938 годов дает недостаточный, но все же довольно обширный материал для выводов об основных направлениях его мысли.

Резюмируя, мы имеем следующий ряд, основанный на безостановочном движении традиции в 1890–1935 гг.: «Туган-Барановский – Дмитриев – Шапошников – Борткевич – Харазов – Слуцкий-I – Леонтьев – Слуцкий-II – Кондратьев». Первые 6 элементов ряда охватывают период 1890–1915 гг. и формируют «первую волну» традиции экономического анализа. Последние 3 элемента относятся к эпохе 1920-х годов и формируют «вторую волну», которая имеет преемственность с первой. Для точной дати-

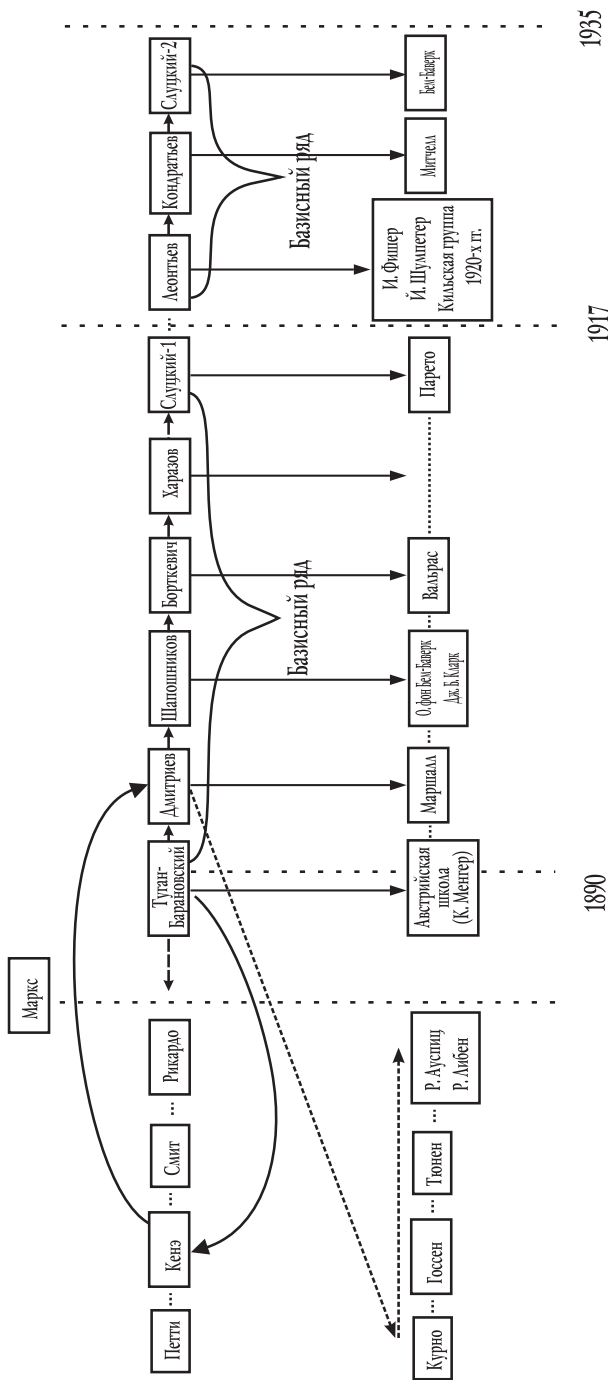

Рис. 1. Российская традиция экономического анализа (1890—1935)

ровки «сверху» (1935) в равной мере подходят и (Слуцкий, 1935), и (Кондратьев, 2004, с. 524). Исследования Л.В. Канторовича, а также В.В. Новожилова, А.А. Лурье, Т.С. Хачатурова и др. генетически относятся, на мой взгляд, уже к другой интеллектуальной эпохе, что, разумеется, не исключает возможности пересечений и взаимодействия идей.

Итоговое представление российской традиции экономического анализа указанного периода можно наблюдать на рис. 1.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ ТРАДИЦИИ

Если достижения выделенной в п. I традиции нельзя представить на формализованном языке, то они остаются там же, где и были, т.е. далеко позади нас, и не могут сдвинуться с места. Мы можем тогда рассчитывать только на память и личные пристрастия.

Сформулируем обобщающую аналитическую схему, и покажем, что основные достижения российских экономистов в определенном смысле можно представить как различные варианты подхода к ней⁸:

$$\begin{array}{l}
 X_0 - X_1 - X_0 \\
 X_1 - X_2 - X_1 \\
 X_2 - X_3 - X_2 \\
 \dots\dots\dots \\
 X_{n-1} - X_n - X_{n-1} \\
 X_n - X_n.
 \end{array}
 \tag{1}$$

В 1-й строке производится товар X_0 с помощью отличного от него товара – средства X_1 . Для простоты предполагается, что про-

8. Где $X_i \in [0; n]$ – любой товар, производимый человеком (хозяйственное благо). Левый столбец образуют исходные состояния товаров, подлежащих обработке («затраты»), правый – их целевые состояния («выпуски»). В центре располагаются товары, выступающие в качестве средств, которые преобразуют исходные состояния в целевые. Логически процесс преобразования и связи всех трех состояний товаров представлен оператором «–». Предполагается, что товары производятся в «чистых отраслях».

изводство осуществляется без приращения (ΔX_i). Для существования производственной системы в течение сколько-нибудь долгого времени в структуре типа (1) обязательно должна появиться строка 2, в которой производится X_1 . Последнее – средство, затраченное в 1-й строке и изношенное в ней. Это рассуждение повторим затем много раз, что выражено в (1) в появлении соответствующих строк. Схема (1) «вырастает» согласно этому правилу, заданному в 1-й строке, на сколь угодно большую величину. В практической жизни число строк всегда ограничено. Но теоретически можно помыслить, что ряд средств (капиталов) будет ограничен другим образом: он будет сходиться к своему пределу, который отличается по структуре от всех предшествующих (n) строк и не содержит среднего термина (лат. *terminus medius*). *Замыкающий схему элемент* $X_n - X_n$ можно назвать «очевидностью» (Э. Гуссерль), потому что он непосредственно отображает элемент X_n в себя и не требует посредствующего звена. Существование этого элемента было важно в теории равновесия для доказательств теорем существования. Важен он оказывается и для классической теории воспроизводства, потому что означает феномен самовоспроизводства (Маевский, Малков, 2013). Если предположить, что X_n в этом процессе увеличивается, то можно говорить о самовозрастании этого элемента. Реальна и ситуация, когда растут с приращением все строки схемы (1), кроме последней; эта строка рассматривается тогда как «базис». Схема (1) в целом реализует диалектику целей и средств. В пределе система должна быть замкнута, т.е. все цели в ней должны быть производимы собственными средствами, которые, в свою очередь, также производятся в качестве целей⁹. Геометрически схема (1) вполне представима как фрактальный образ. Происходит многократное и неограниченно долгое мультиплицирование заданного правила (1-й строки). В результате выстраиваемая система имеет предел своего роста, определяемого производственным потенциалом своего «базиса».

9. На смену кардиналистской теории крутооборота товаров, имеющей целью численный расчет параметров относительных цен и производимых количеств, заступает ординалистская схема типа (1). Ординализм предполагает здесь существование алфавита, т.е. возможность однозначным образом упорядочить отрасли по степени важности. Алгоритм поиска «базиса» может быть эвристическим.

Посмотрим теперь, как отображается вклад российских экономистов сквозь призму данной схемы¹⁰.

Туган-Барановский в числе прочих выдвинул принцип «взаимозависимости отраслей» (Туган-Барановский, 1997, с. 315–317), который впоследствии был обобщен Дж.М. Кейнсом в понятии мультипликатора. Он выражен в (1) в виде последовательного перемещения X_i от места в левом столбце к своим местам в правом и среднем столбцах. Соответствующие строки не могут находиться достаточно далеко друг от друга, отсюда представление о смежности отраслей и сопряженности производств¹¹. Слуцкий вел речь в аналогичном случае о «связности ряда». Полная взаимозависимость предполагает движение по строкам в обоих направлениях: сверху вниз и снизу вверх. Буквальное понимание этого демонстрирует Харазов (Charasoff, 1910, s. 126–128).

Еще раньше Туган-Барановский поставил задачу вычислить полные затраты труда на производство продукта (Туган-Барановский, 1890, с. 229). Он предложил модификацию «Зигзага» Кенэ, стремясь осуществить редукцию постоянного капитала a к количествам дневного труда b по следующей схеме:

$$\begin{aligned}
 [a/2 + b] &\rightarrow a \\
 [a/4 + b/2] &\rightarrow a/2 \\
 [a/8 + b/4] &\rightarrow a/4 \\
 &\dots\dots\dots \\
 [a/2^{n+1} + b/2^n] &\rightarrow a/2^n \\
 &\dots\dots\dots
 \end{aligned} \tag{2}$$

В этой схеме по сравнению с нашей (1) три недостатка. Во-первых, «схождение» или редукция вырождается в пределе в бессодержательную формулу $[0\ 0] \rightarrow 0$, а не в «очевидность» $X - X$. Во-вторых, первая строка задается таким явным образом $a/2 + b = a$,

10. Полное выполнение процедуры подведения частных результатов, полученных отечественными экономистами, под общий результат (1), назовем «снятием».

11. Полный набор строк, образующий сегмент в (1), можно назвать воспроизводственным контуром (Глазьев, 1993, с. 56–58).

что никакой редукции не требуется, т.к. можно сразу получить искомый результат $a = a(b)$. В-третьих, форма связи левого и правого столбцов задана не логическим (через оператор « $-$ »), а арифметическим путем, что снижает степень общности. Тем не менее, применение редукции к сфере народного хозяйства как *организованной совокупности отраслей* заставляло предполагать, чтобы не уйти в «дурную бесконечность» (по Гегелю), наличие особой группы отраслей, производящих c , и поставить вопрос об их внутренней дифференциации. Этот вопрос позже был проанализирован Н. Бернштейном (1911), который установил, что первое подразделение общественного воспроизводства для обеспечения других подразделений, как и себя самого, должно производить «круговращающийся продукт» (Бернштейн, 2011, с. 711–712). Тем самым открывался путь перехода $X_0 \rightarrow X_1 \rightarrow \dots \rightarrow X_n$ и обратно $X_n \rightarrow X_{n-1} \rightarrow \dots \rightarrow X_0$.

Решение проблемы полных затрат труда Дмитриевым также обнаруживает «держание в уме» данной схемы. Система уравнений для определения полных затрат труда оперирует с *конечным числом* технических капиталов – средств в среднем столбце схемы (1). Кроме того, одним из аргументов перехода к системе одновременных уравнений вместо рекурсии «в доисторические времена» было замеченное противоречие при последовательном переходе от 1-й строки к последней: структура строки меняется. В рамках вычисления трудовых количеств выражение $X_n - X_n$ было представлено Дмитриевым через идею о непосредственном производстве капитала трудом (Дмитриев, 2001, с. 58). Структура самих уравнений Дмитриева (и вслед за ним Борткевича) была построена по принципу «затраты – выпуск», т.е. соответствует структуре строк в (1).

2-я система уравнений Дмитриева для определения нормы прибыли r оперирует уже с элементом типа $X_n - X_n$ в явном виде. Дмитриев определяет норму прибыли из одного уравнения, которое является для системы *замыкающим элементом* (Там же, с. 78–81). Таким образом, он добился формулировки ранней версии «зерновой модели» (Schefold, 1992). В 3-й системе уравнений Дмитриева появляется представление о *машине M*, которая способна к репродукции, т.е. к самовоспроизводству (Там же, с. 84–85). Она в полном смысле указывает на осознание ученым элемента $X_n - X_n$ в структуре его системы производства.

Аналогичный результат был получен Харазовым в процессе исследования генеалогии рядов производства. Он назвал этот феномен «пракапиталом» (Urkapital, Urtypus) (Charasoff, 1910, s. 111). Его конструкция аналогична полученному П. Сраффой в результате разработки генеалогии рядов производства капитала, который имеет максимальную норму прибыли R (Сраффа, 1999, § 21–22). В общем виде этот капитал получается из «стандартной системы», состоящей только из базисных товаров, которые взяты в определенных пропорциях.

Производственная схема, построенная Шапошниковым (Шапошников, 1912b, с. 53 и след.), указывала прежде всего на свойство *замкнутости*, в противном случае обменные операции не будут сбалансированы и произойдет разрушение системы. Кроме того, в своей критике «окольных методов производства» Бем-Баверка Шапошников впервые довел до сознания читателей тот факт, что схема (1) похожа на производственную схему благ высших порядков Менгера – Бем-Баверка. Схема выглядела бы так:

$$\begin{array}{r}
 X_0 - X_0 \\
 X_1 - X_0 - X_1 \\
 X_2 - X_1 - X_2 \\
 X_3 - X_2 - X_3 \\
 \dots\dots\dots \\
 X_n - X_{n-1} - X_n,
 \end{array} \tag{3}$$

где X_0 – благо 0-порядка, X_1, X_2, \dots, X_n – блага 1-го, 2-го... n -го порядков (например, хлеб, мука, зерно и пр.). Благо порядка n (для замыкания системы) должно быть произведено, согласно Бем-Баверку, трудом и/или землей как первичными факторами, т.е. в последней строке на месте X_{n-1} должен стоять труд. Капитал образуется рядом средств $\{X_1, X_2, \dots, X_n\}$, которые располагаются в левом столбце, коль скоро главными является ряд продуктов (хлеб, мука, зерно и т.д.). Элемент X_n , тем не менее, согласно Шапошникову, не является последним из капиталов; в этом смысле схема (3) не замыкается до конца.

Фактически Шапошников показал, что элемент $X_n - X_n$ не может быть потребительским благом, во-первых, и трудом,

производящим (в качестве первичного фактора) будущие блага, во-вторых. Кроме того, важно его замечание, что постоянный капитал не может быть фактором, влияющим на цены товаров. В свете схемы (1) это означает, что она работает только в случае оборотного капитала, когда средства в среднем столбце изнашиваются без остатка в течение производственного цикла. Последующая попытка Борткевича доказать, что постоянный капитал можно встроить в эту схему (Bortkiewicz, 1906–1907), вызвала ряд обоснованных возражений со стороны Сраффы и других представителей традиции кругового движения экономики. Но в целом критические построения Борткевича относительно теории капитала и процента Бем-Баверка следовали за идеями Шапошникова и фундировали их.

При расчете стоимостей и цен Борткевич сделал попытку обобщить уравнения Дмитриева с помощью более адекватного представления постоянного капитала в схеме кругооборота. Считая, что у Дмитриева присутствует идущее от Рикардо условие «вечности капиталов» (в модели Дмитриева постоянный капитал расходовался целиком), Борткевич обратился к 1-й главе «Начал политической экономии» Рикардо. Он интерпретировал отделы 3–5 как принципиальную возможность свести постоянный капитал к формуле (в терминах Маркса) $v + m$ через введение фактора времени в модель и «аксиому о монотонной обратной зависимости» динамики нормы прибыли от периода обращения капитала. Начиная с Марксовой формулы для стоимости (Bortkiewicz, 1907, 1, s. 13):

$$W = \alpha c + v + m,^{12} \quad (4)$$

где постоянный капитал присутствует в явном виде, Борткевич затем получил аналогичное по структуре выражение для цены и их соотношение, которого не было у Маркса (*ibid.*, s. 14):

$$P = W + (c + v)(q - q_0)r.^{13} \quad (5)$$

12. Где W – стоимость годового продукта, α – суммарная доля постоянного капитала, поступающая в стоимость продукта.

13. Где P – цена производства; $r = M/V$ – норма прибавочной стоимости; $q = c/(c + v)$ – доля постоянного капитала в совокупном капитале в соответствующей производственной сфере; $q_0 = c/(c + v)$ – то же самое отношение просуммированного капитала для всех без исключения производственных сфер. Соотношение между средней нормой прибыли $\rho = M/(c + v)$ и r таково: $\rho = (1 - q_0)r$.

Проблема заключается в том, что дальше при расчете стоимостей и цен Борткевич апеллирует не к 3-й, а ко 2-й системе уравнений Дмитриева и при этом приписывает условие постоянства реальной заработной платы (обеспечивающее недостающее уравнение) Марксу. Тем самым он, с одной стороны, не добавляет к «редукции» Дмитриева ничего нового, но с другой стороны теряет представление о «зерновой модели», во-первых, и о машине M , во-вторых. Кроме того, впоследствии выяснилось (Слуцкий, 2010, с. 402–403), что формула Борткевича, выражающая зависимость нормы прибыли от периодов обращения капитала, основана на предпосылке о *среднем периоде производства*, и идентична той, которую получил К. Вексель (1898) из теории Бем-Баверка. Тем самым попытка Борткевича проследить то, «как стоимость постоянного капитала постепенно включается в цену продукта», оказывается соскальзыванием в австрийскую традицию линейной (не круговой) производственной схемы. Здесь кроется и причина того, почему впоследствии первым неорикардianцем именовали именно Дмитриева, а не Борткевича: Борткевич слишком прямолинейно применил Дмитриевскую систему уравнений к «Капиталу», вследствие чего рикардianская ревизия последнего оказалась далеко не бесспорной. Кроме того, в своей критике схем Туган-Барановского Борткевич полностью потерял связь с Кенэ. Таким образом, утрата адекватного представления о замыкающем элементе $X_n - X_n$ в рамках схемы (1) оборачивается либо обращением к австрийской схеме (3), либо размыканием кругового движения в (1).

У Харазова наблюдается наибольшее приближение к схеме (1). Можно сказать, что она родилась как обобщение введенного им метода расчета отклонений стоимостей от цен в системе Маркса. Любопытно, что если осуществить «свертку» схемы (1) в одну строку, то можно получить «производственный ряд» вида¹⁴ $X \sim X' \sim X'' \sim X''' \sim \dots \sim X^*$, который был открыт Харазовым и рассматривался им как крупнейшее завоевание классической политико-экономической мысли со времен меркантилистов, Р. Кантильона и Ф. Кенэ (Charasoff, 1910, s. 120).

14. Где X – произведенный продукт; X' – капитал, как средство для производства X ; X'' – капитал второго порядка, как средство для производства X' (через год) и X (через 2 года), и т.д. Символ « \sim » означает производственную связь.

Наша базовая схема (1) представляет собой обобщение придуманной Харазовым итерационной процедуры приближения цен к стоимостям, которая основана на формулировке уравнения типа $X_0 - X_1 - X_0$ и его повторении вплоть до предельного момента, когда численного расхождения цен и стоимостей уже нет. Тогда и возникает «пракапитал», являющийся источником всякого другого капитала и различия капиталов по структуре. Пракапитал характеризуется тем, что имеет отношение только к себе самому: $X_n - X_n$. Темп роста этого пракапитала относительно самого себя является в то же время и максимальной нормой прибыли R : $X'_n = (1+R)X_n$. В общем случае процесс схождения к основанию, описываемый схемой (1), логически обобщает поиск решения в системах уравнений Дмитриева и Борткевича, генеалогию «рядов производства» Харазова для разрешения проблемы несоответствия ценностей и цен в I и III томах Марксова «Капитала» соответственно, направление дедукции Сраффы относительно *максимальной нормы прибыли* (в § 21–23 «Производства товаров»).

Схема (1) находит свое отражение и в наследии Слуцкого, которое делится на 2 периода: 1902–1915 и 1922–1929 гг. В диссертации «Теория предельной полезности» (1910), главном произведении 1-го периода, он подвергает анализу систему «базисных стремлений» человека, которая допускает формализацию ее в следующей схеме (рис. 2).

Вслед за традицией в экономической кибернетике (Ланге, 1968), можно записать эту систему на языке теории автоматическо-

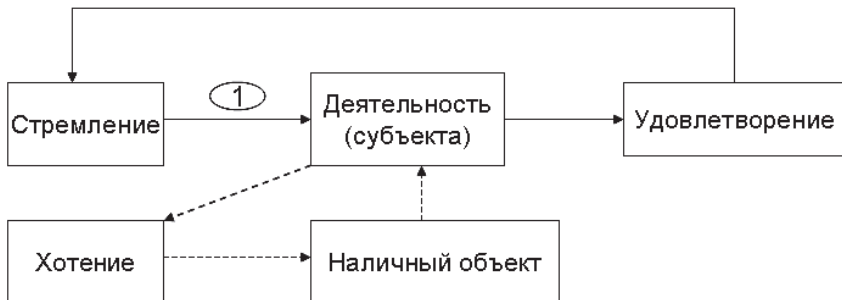

Рис. 2. Схема замкнутой воспроизводящей системы первого порядка у Слуцкого в его общей теории деятельности

го управления. В таком случае проблема будет заключаться в анализе влияния второго (нижнего) контура на первый (верхний). В терминах нашей базовой схемы (1) возникнет редуцированная структура, которая будет выглядеть так:

$$\begin{array}{l} X_0 - X_1 - X_0 \\ X_1 - X_0 - X_1 \end{array} \quad (6)$$

Это означает, что элемент X_0 второго контура («хотение — наличный объект») может быть заменен на X_2 во 2-й строке схемы (6), и тогда движение к основанию будет продолжено. Схема (6) описывает особый вырожденный случай производства двух товаров, который замыкается непосредственно (Neumann, 1945–1946, p. 1).

В «Теории предельной полезности» 1910 г. Слуцкий строит общую линейную систему стремлений по трехчленной схеме «стремление — деятельность [субъекта] — удовлетворение», где удовлетворение — цель, а деятельность субъекта — средство. Представляя средство в качестве элемента, разложимого на «хотение» (нем. *Begehren*) субъекта и наличный объект, находящийся в его распоряжении, Слуцкий как раз и получает замкнутую воспроизводящуюся систему первого порядка (рис. 2). Применяя к элементу «наличный объект» эту схему еще раз, т.е. повторяя верхнюю строку, получим при тех же условиях систему 2-го порядка со своим «наличным объектом», и т.д. В итоге, при условии, что стремления являются основными, т.е. когда для удовлетворения обязательно требуется вспомогательное звено «хотение — наличный объект», имеем вертикально-ориентированный ряд, моделирующий сознание субъекта. Слуцкий замечает, что «ряд этот может иметь неопределенную длину...» (Слуцкий, 1910, с. 144). Здесь он еще не приходит к понятию «очевидности», а заменяет ряд неопределенной длины системой потребительских товаров и категорией денег, переходя к исследованию теории бюджета. Однако в § 12–13 «Sulla teoria...» (1915) появляется уже «внутренняя очевидность» (*evidenza interna*), аналогичная «очевидности» $X_n - X_n$ для производственной системы типа (1).

Подводя итоги 1-го этапа развития российской традиции экономического анализа, важно отметить следующее. Тот факт, что в основании схемы (1) российские экономисты-теоретики мыслили

нечто, способное к самовоспроизводству (особое средство производства или самовоспроизводящийся капитал), радикально отличает ее от австрийской школы, предложившей концепцию иерархии благ высших порядков Менгера – Бем-Баверка, где на месте $X_n - X_n$ согласно этой концепции должно находиться благо 1-го порядка, т.е. *потребительское благо* (схема 3).

Любопытно отметить также, что вырожденный случай (6) появляется не только у Слуцкого. В большей мере он анализировался А.В. Курским, когда строилась схема безостановочного производства, состоящего из двух базисных отраслей – железа и угля (Курской, 2011, с. 726–727). И, кроме того, схема возникает у А.В. Чаянова, в концепции которого крестьянин использовал в своем трудовом крестьянском хозяйстве фактор труда и производил с его помощью продукт. Последний шел на удовлетворение потребностей, в том числе на восстановление сил в результате износа этого труда (Чаянов, 1989, с. 70 и след.). Важно иметь в виду контекст создаваемой ученым теории: это теория некапиталистической формы хозяйства, что еще больше увеличивает вероятность замыкания схемы по типу (6). Этот момент в целом означает, что наследие Чаянова находится не настолько уж далеко от идей рассматриваемых нами отечественных экономистов.

Переходим к периоду 1920-х годов. Исходя из логического развития проблематики, целесообразно рассмотреть авторов не хронологически, а в следующей последовательности: Н.Д. Кондратьев – В. Леонтьев – Е.Е. Слуцкий. Дело в том, что только у Слуцкого возникает принципиально новая схема в смысле (1).

Первое обращение Кондратьева к элементу $X_n - X_n$ связано с поиском материальной основы больших циклов. В период 1926–1928 гг. она была найдена Кондратьевым в изнашивании, смене и расширении основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Таковы крупнейшие постройки, сооружения значительных железнодорожных линий, прокладка каналов, крупные мелиоративные сооружения, подготовка кадров квалифицированной рабочей силы (Кондратьев, 1925, с. 217). Это ставит вопрос о структуре элемента, его внутренней дифференциации. Любопытно сравнить его с динамикой *сферы основного производства* (нем. Grundproduktion) в терминологии

Харазова (Charasoff, 1910, кap. VII, s. 81). Инвестиции в основное производство, подчеркивал Кондратьев в 1926 г., должны быть рентабельными; процесс накопления на фазе подъема должен идти темпом, превышающим темп текущего инвестирования. Это значит, что норма прибыли в основном производстве, производящем капитальные блага, растет. Должен, однако, наступить период, когда удорожание капитала (вследствие либо непроизводительного его потребления, либо увеличения спроса на капитал) понизит темп накопления и приведет к снижению нормы прибыли. Тем не менее, и стадия спада, согласно 1-й эмпирической правильности, служит для основного производства стимулом к новым техническим разработкам и усовершенствованиям, особенно при производстве *базисных товаров*¹⁵.

Стало быть, в терминах Харазова Кондратьев фактически доказывал, что рассмотренное в изоляции от внешнего мира *основное производство* вообще не знает снижения нормы прибыли, потому что в нем создается гигантский товарный излишек, излишек материально-вещественного и наукоемкого *богатства*. (Как раз на этом основании Харазов критиковал Марксов закон тенденции нормы прибыли к понижению, причем не только в формулировке Маркса, но и в контрформулировке Туган-Барановского.)¹⁶ Сокращение затрат в конце фазы спада важно именно в контексте наращивания *излишка* произведенной стоимости — когда товары еще не вынесены на продажу — над затраченной. Но тогда большие циклы есть не что иное, как *характеристика взаимоотношения этой сферы основного производства с остальной экономикой* через колебательное взаимодействие спроса и предложения на капитал и производимые при его посредстве товары¹⁷. Сама же сфера основного производства как сугубо технологическая не затрагивается законом спроса и предложения на капиталы и товары, или, точнее,

15. Это товары (basic commodities), которые необходимы для производства всех остальных товаров в экономике (Сраффа, 1999, § 6, с. 37). Определение Харазова идентично (Charasoff, 1910, s. 120–121). По смыслу эти товары близки к современному понятию «технологий широкого применения».

16. См.: Charasoff, 1910, кap. XIII, s. 159–162 ff.

17. В этом смысле критика Кондратьевым концепции «новых комбинаций» Шумпетера смыкается с Леонтьевской критикой в (Леонтьев, 2008, с. 943–944) за слишком расплывчатое и в целом недостаточно состоятельное понимание взаимосвязи природы основного капитала и динамики производственных отраслей.

затрагивается только в очень малой степени. Этот аргумент, видимо, и побудил Кондратьева прибегнуть к Маршаллианской схеме равновесия 3-го порядка (Кондратьев, 1925, с. 216–218).

Однако данный вариант сопряжения циклов как модели *народнохозяйственного организма* с теорией, в основе которой лежали физические аналогии из *механики*, был у Кондратьева временным. Харазов строил свою теорию, опираясь на данные *современных ему наук о живых организмах*: в теории производства «мы, таким образом, имеем полный аналог учения о происхождении видов, образующего основу современной биологии» (Charasoff, 1910, s. 128). В Суздальский период Кондратьев будет искать приемлемое уравнение для своей модели экономического роста (1934), для чего будет изучать литературу по динамической теории популяции (В.А. Базаров, А. Лотка, Э. Митчерлих, Р. Пирль, Т.Б. Робертсон). Общее звено для сравнения идей Кондратьева и Харазова — Т.Р. Мальтус (1798).

В. Леонтьев, разрабатывая метод «затраты — выпуск», до предела довел представление о системе, в которой круговое движение осуществляют одни товары. При этом он полностью изгнал человека из системы хозяйственного кругооборота (Леонтьев, 2008, с. 980–981). Введенные и использованные им понятия «ступеней производства», «постоянной отдачи от фактора» и др. фундаментализировали это представление. Оно возвращает нас к идее Маркса о том, что верным тактом Кенэ при формулировке «Таблицы» было мыслить ее в терминах $T - T$. Тем самым указывается, что схема типа (1) может быть «свернута», если прибегнуть к формализму в экономике.

Слущкий был как раз тем теоретиком, который строил формалистическую программу все 1920-е годы. Парадоксально, тем не менее, что он коренным образом выводит схему (1) на новый уровень обобщения, потому что различает два вида организации хозяйства. В терминах его подхода (Слущкий, 2010, с. 552–553) следует различать праксеологию в узком и в широком смысле. *Праксеология в узком смысле* означает учение о Я на всем пространстве его деятельности. *Праксеология в широком смысле* есть формальным образом истолкованный предмет экономической науки как учения о хозяйстве в целом (нем. Grundgebilde). Первая порождает схему (1) с участием субъекта, Я; вторая остается без участия Я,

и по существу может быть сведена к формальному пространству Спинозы, т.е., в детерминированном случае, к Леонтьевской системе. Во 2-м случае идеи Слуцкого, что отрадно, корреспондируют с построениями Харазова в части архитектоники хозяйства как единого целого. Случай 1 развивался в разных направлениях Л. фон Мизесом и Т. Котарбиньским, но при этом есть основания считать, что были потеряны завоевания российской традиции в части схемы (1). Имеет, поэтому, смысл осуществить очередное возвращение и попробовать достроить то, что достроено не было, но ожидает этого уже в наше время.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Формальное описание эволюции интеллектуальной традиции

Полезно представить себе развитие интеллектуальной традиции в истории экономической мысли следующим образом:

$$\frac{A_1}{B_1} \oplus \frac{A_2}{B_2} \oplus \dots \oplus \frac{A_n}{B_n} = \frac{C}{D}. \quad (П1)$$

Решается задача определения C , т.е. сознания индивида, живущего в современную эпоху D , через связь с предшествующими временами. Пропорция A_i/B_i , где $i=1, 2, 3, \dots$, означает «ratio», или отношение, которое во времена классической философии всегда рассматривалось в качестве синонима разума (Спиноза, 1998, с. 291–293). Поскольку речь идет об истории мысли, т.е. о едином пространстве, где различия в «материальной истории» минимальны, то:

$$B_1 \approx B_2 \approx \dots \approx B_n = B, \quad (П2)$$

-
18. Где A_i – мыслители, внесшие своим творчеством вклад в развитие традиции; B_i – эпохи или исторические обстоятельства, в которых они жили; C – сознание, живущее в современную эпоху и требующее своего «определения»; D – современная эпоха, которую предполагается «постигнуть в мысли». E – знак суммирования, но не в алгебраическом смысле.

и таким образом:

$$\frac{\sum_i A_i}{B} = \frac{C}{D}. \quad (\text{П3})$$

В историко-экономических исследованиях господствует *суммативный подход*, когда представление о традиции формируется на основе суммы полученных в ее рамках результатов. Таким образом, он определяется тем, что учение определенного мыслителя A_{i+1} фиксируется как *неподвижная точка* в прошлом и имеет только одностороннее («вперед-смотрящее») отношение к современности:

$$\frac{\sum_i A_i}{B} + \frac{A_{i+1}}{B} = \frac{C}{D}. \quad (\text{П4})$$

Здесь новый элемент $\left(\frac{A_{i+1}}{B}\right)$ оценивается с позиций господствующего «основного течения» или другого *внешнего окружения*, которое уже было когда-то сформировано. Это означает, что D сопоставимо с B , т.е. имеет место «соизмеримость» эпох; поэтому из (П3) и (П4) следует:

$$C = k \sum_i A_i, \quad (\text{П5})$$

где $k = D/B$ означает своеобразный *коэффициент усиления* ($k > 1$), потому что «современность» D все-таки (в том числе и психологически) значит для нас больше, чем «прошлое» A . Создается иллюзия, что изучая историю, мы узнаем больше и про D .

«Суммирование» $\sum_i A_i$ в истории экономической мысли производилось у нас, в частности, либо по критерию максимального числа персоналий, относимых к *заданной предметной области*, либо по критерию *заранее очерченных* хронологических рамок определенного периода. В обоих случаях акцент делался на перечислении имен с указанием их вклада в развитие данного раздела науки; такого подхода не избежал и Шумпетер в своей обширной

«Истории экономического анализа». Однако при этом теряется продуктивная способность метода; это означает, что C очень слабо чувствительно к выбранной совокупности $\sum_i A_i$.

В отличие от суммативного подхода предлагается *генетический*, которому соответствует схема развития традиции с возвратным движением. Это означает, что за неизвестное в (ПЗ) принимается не C , а все отношение (ratio) C/D , поскольку эпоха D в целом нам неизвестна. В таком случае акцент смещается с коэффициента k на знак равенства, который *полагает* мыслимую связь между историей и современностью, бывшую до того по существу разорванной. Тогда прибавление нового элемента в традицию будет действительно проблемой, решение которой обещает перспективу:

$$\frac{\sum_i A_i}{B} \oplus \frac{A_{i+1}}{B} = \left(\frac{C}{D}\right)^+. \quad (\text{П6})$$

Здесь новый элемент $\left(\frac{A_{i+1}}{B}\right)$ появляется «на обеих сторонах счета», поэтому справа от знака равенства также возникает изменение: $\left(\frac{C}{D}\right)^+$. Иными словами, сознание, находящееся в «современности», эволюционирует:

$$\frac{C}{D} \rightarrow \left(\frac{C}{D}\right)^+ = \frac{E}{F}, \quad (\text{П7})$$

тогда как прежде оно было статичным и принципиально не зависело от числа и качества элементов A_i . Мы имели дело с «мертвой историей», не имеющей отношения к современности и интересной только в качестве сведений для повышения общей культуры. После полноценного присоединения нового элемента $\left(\frac{A_{i+1}}{B}\right)$ к *интеллектуальной традиции* в итоге получится выражение, подобное (ПЗ), но «современность» уже изменилась (П6):

$$\frac{\sum_i A_{i+1}}{B} = \frac{E}{F}. \quad (\text{П8})$$

Резюмируя, можно сформулировать следующее представление:

$$\frac{A_1}{B_1} \oplus \frac{A_1}{B_1} \oplus \dots \oplus \frac{A_n}{B_n} \oplus \left| \frac{A_{n+1}}{B_{n+1}} \right| = \frac{C}{D} \rightarrow \left[\frac{C}{D} \right]^+ \equiv \frac{E}{F}. \quad (\text{П9})$$

Механизм наращивания элементов ряда реализуется как раз через принцип возвратного движения.

2. Российская традиция экономического анализа как «базисный ряд»

В результате проведенного исследования выдвигается гипотеза о структурировании российской экономической мысли указанного периода. А именно, ряд «Туган-Барановский – Дмитриев – Шапошников – Борткевич – Харазов – Слуцкий-I – Леонтьев – Слуцкий-II – Кондратьев» формирует *первичные базовые теоретические конструкции*, тогда как все прочие авторы, как представляется, могут быть либо сведены к базовым, либо же рассматриваться вне теоретического поля. «Встраивание» того или иного автора в своеобразный мейнстрим (выращенный на российском материале) вполне возможно¹⁹.

Рассмотрим некоторые варианты соотношения базовых и вторичных источников:

- «Залесский – Дмитриев»: в аспекте «органического синтеза» трудовой теории ценности и теории предельной полезности, и теории издержек производства.
- «Орженцкий – Слуцкий»: в аспекте репрезентации субъективной теории ценности.
- «Войтинский – Слуцкий»: в аспекте функции полезности и репрезентации теории бюджета потребителя.

19. Общую схему (рис. 3) см. в конце настоящего параграфа. Элементы, обозначенные эллипсами, означают, что они не «встраиваются» полностью в базисный или дополнительный ряды. Оппозиции «Туган-Барановский – Бунятян» и «Кондратьев – Первушин» приведены как для полноты картины, так и в целях перспективы дальнейших исследований.

- «Юровский — Слуцкий»: в аспекте репрезентации понятий стационарности и нестационарности.
- «Билимович — Слуцкий»: в связи с отношением к т.н. «Киевской школе».

«Залесский — Дмитриев». После первой статьи, посвященной «органическому синтезу» трудовой теории ценности и теории предельной полезности (Туган-Барановский, 1890), появляется сочинение (Залесский, 1893). В (Залесский, 1893, I) дается учение о ценности в догматической форме и о законах, управляющих ее высотой. В (Залесский, 1893, II) издержки производства подразделяются на издержки в частно-хозяйственном смысле — таковы «авансы капиталиста-предпринимателя, слагающиеся из ренты, рабочей платы и прибыли», и на издержки в народно-хозяйственном смысле — такова «затрата труда» (там же, с. 8). Оба эти два вида издержек, равно как и развитие теории ценности, находят свое отражение в 1-м очерке Дмитриева по Рикардо (Дмитриев, 2001, с. 51–94). Ситуация, когда «мыслима такая организация народного хозяйства, где труд не будет иметь качеств товара» (там же, с. 6), описана в виде модели в (Дмитриев, 2001, с. 91–94). В то же время, трактуя проблему ценности во всех различных вариантах²⁰, Залесский подготовил для Дмитриева идеальный материал для масштабного «синтеза». Дмитриев действительно много почерпнул из работ Залесского.

«Орженцкий — Слуцкий». Работы (Орженцкий, 1895; 1896; 1903) посвящены теории ценности с точки зрения субъективной оценки. Исследование (Орженцкий, 1896) в части «аналитического пути» теории ценности упирается в (Дмитриев, 2001), в части изложения Маркса (Орженцкий, 1896, с. 59–74) отсылает к (Bortkiewicz, 1906–1907; Борткевич, 2011), в части опытов психологов (А. Мейнонга и др.) и теории предельной полезности (Орженцкий, 1896, с. 8–9, 75–100) оно покрывается опубликованной теперь диссертацией (Слуцкий, 2010). Переложение формул из «Arbeit und Boden» О. Эффертца (1890–1891) составляет новизну Р.М. Орженцкого; тем не менее, Эффертц характеризуется как представитель квази-математической школы (Дмитриев, 2001, II, с. 130).

20. 1) В духе сравнительной редкости и теории полезности (гл. 4). 2) Наоборот, в духе издержек производства (гл. 5). И, наконец, 3) в духе «органического синтеза» двух теорий (теории спроса и предложения, гл. 1–2; полезности и издержек производства, гл. 3).

Исследование (Орженцкий, 1903) является самым крупным сочинением автора по экономике. Оно, однако, беря в качестве объекта анализа *хозяйственное явление*, уступает по широте обобщения диссертации (Слуцкий, 2010), где анализу подлежит *общая теория деятельности*. Часть догматическая (Б), написанная Орженцким раньше 1903 г., практически полностью представлена и у Слуцкого в 1910 г., который, видимо, не был к тому времени знаком с этим сочинением Орженцкого (Слуцкий, 1910, с. V–IX). Тем не менее, источником идей в этом плане у Слуцкого, в отличие от Орженцкого, был проф. А.И. Петражицкий (там же, с. II). Кроме того, в своем отзыве о трудах Орженцкого в 1919 г. Слуцкий отмечал, помимо заслуг автора, что было бы неправильно «строить экономическую науку на столь шаткой основе, как эмпиризм, а теорию ценности — на психологическом подходе» (Слуцкий, 2006, с. 60–61).

Исследование (Орженцкий, 1909) может быть сведено к (Дмитриев, 2001, I) в аспекте редукции нескольких факторов производства к одному (Орженцкий, 1909, с. 10–12), а также в аспекте уравнений издержек производства (там же, с. 63–69).

Диспозиция «Орженцкий — Слуцкий» может быть рассмотрена и в области *статистики*. Можно наблюдать, что и теория корреляции, и статистический анализ в целом в работах Слуцкого 1910, 1912, 1916, 1925–1927 гг. (Слуцкий, 2010, с. 678, 683, 783–784, 827 и др.) является более общим, чем в работах Орженцкого «Сводные признаки» (Ярославль, 1910), «Учебник математической статистики» (Ярославль, 1914) и «Элементарная теория статистических величин и вычислений» (Киев, 1921).

«Войтинский — Слуцкий». После «Экономических очерков» Дмитриева (1904) и «Теоретических основ марксизма» Туган-Барановского (1905) с крупным сочинением выступил В.С. Войтинский. Он — впервые в отечественной литературе — предложил функцию полезности $F(X)$ (Войтинский, 1906, часть I, гл. 1, § 7, с. 95). Кроме того, он попытался построить теорию бюджета потребителя (там же, часть I, гл. 2, § 12–13, 17–19, 22 и особенно 23–25; а также Приложения I–IV). Эти новации Войтинского были восприняты и развиты в диссертации (Слуцкий, 1910, с. 150, Приложение V и др.). Слуцкий специально изучал

работу Войтинского (там же, с. IX). Разделы «Изменение полезности товара при изменении внешних условий» (Войтинский, 1906, часть I, гл. 3, § 26–30) и «Изменения бюджета потребителя при изменении внешних условий» (там же, часть I, гл. 4, § 39–40) обобщены Слуцким более строго с формальной точки зрения в части IV его диссертации 1910 г., потому что он отталкивался от последних новинок Парето.

Часть II «Рынок» книги Войтинского отличается, что показательно, от трактовки теории рынка Туган-Барановским (Физиократы... 2008, с. 904–920), но она в значительной части перекрывается соответствующим разделом «Основы теории рынка» (часть V) диссертации Слуцкого. Тем не менее, работу (Войтинский, 1906) полностью свести к трудам Слуцкого (и Дмитриева), видимо, все-таки нельзя.

«Юровский — Слуцкий». Последней крупной работой дореволюционного периода по периодизации, предложенной в (Железнов, 2003, с. 283–290), было исследование Л.Н. Юровского. Его экскурс в теорию предельной полезности и присоединение к точке зрения О. Курно (Юровский, 1919, с. 45–61) покрываются работами (Дмитриев, 2001, II–III) и (Слуцкий, 1910, часть IV). То же касается и очерка II Юровского «Ценность-цена...», разве что здесь нужно добавить еще (Дмитриев, 2001, I) и (Слуцкий, 1910, часть V), потому что приводятся уравнения Вальраса и ведется разговор о теории издержек производства в трактовке Рикардо. Очерк IV «Вменение и капитализация доходов (Проблема распределения» в основном повторяет идеи из книги (Шапошников, 1912b) и, местами, из (Дмитриев, 2001, I).

Основная новизна Юровского с точки зрения развития отечественной традиции экономического анализа содержится в очерке III, посвященном статике и динамике хозяйства в связи с проблемой равновесия между спросом и предложением. Здесь им исследуется работа (Шумпетер, 2007), прежде не затрагиваемая российскими экономистами в дореволюционный период; она, разумеется, будет исследована В. Леонтьевым и Н.Д. Кондратьевым, но уже позже. На основании критики Шумпетеровского понятия *статического* хозяйства Юровский дает свое определение хозяйства, в котором существуют «некоторые общие связи, вызывающие одно-

образное повторение явлений» (Юровский, 1919, с. 157). Иными словами, он предлагает свое понятие *стационарности*, лежащее у него между статикой и динамикой: хозяйство называется *стационарным* или *установившимся*, если оно представляет собой как бы спокойное течение реки, являет «одну и ту же картину во всякий момент времени». «Оно не есть покой, неподвижность, но время не меняет его... Оно все же есть движение, и теорию его нельзя называть статической» (Там же, с. 154).

Это определение, крайне важное для идентификации теории хозяйственного кругооборота, мы находим в (Слуцкий, 2010, с. 219): «Наши теории должны — при современном состоянии науки — ограничиться изучением таких длительных систем, которые находятся в равновесии, в которых явления протекают *стационарно*, по установившемуся руслу, периодически повторяясь в одном и том же виде». Работы Слуцкого 1912, 1925–1927 гг. следуют этой точке зрения и развивают ее.

«Билимович — Слуцкий». Это сравнение имеет более серьезные последствия для идентификации российской традиции экономического анализа. Оно трансформируется в проблему: *Слуцкий и «Киевская школа» экономистов*.

Распространенная точка зрения состоит в том, что Слуцкий был видным представителем «Киевской школы». Ее ядро образовали сначала А.А. Антонович (1848–1917), Н.Х. Бунге (1850–1895) и Д.И. Пихно (1853–1913); иногда к этой же школе относят и Н.М. Цытовича (1861–1919). С начала 1910-х гг. школу возглавил преемник Пихно по кафедре политической и статистики Киевского университета имени св. Владимира А.Д. Билимович (1876–1963).

Полное отсутствие ссылок и в указателе авторов (Слуцкий, 2010, с. 99–101), и в тексте диссертации на представителей «Киевской школы» является характерным. Позиция Слуцкого в отношении современного на то время состояния, в котором находилась теория спроса-предложения, — это «наглядный пример оскудения теоретической мысли в рядах представителей нашей науки» (там же, часть V, гл. 2, § 6, с. 297). Данную оценку, которая высказывалась и в (Дмитриев, 2001, III, с. 249–250) можно считать достаточной отповедью итоговым построениям Д.И. Пихно.

Главным пунктом анализа являются, поэтому, отношения в оппозиции «Слуцкий — Билимович». Открывающиеся архивные свидетельства бросают большую темную тень на роль Билимовича в этой истории и объясняют, прежде всего, почему Слуцкий после защиты диссертации в 1911 г. не остался на кафедре политической экономии и статистики Киевского университета св. Владимира, а вынужден был — трудно и мучительно — искать себе другое место.

«Осенью 1911 г. Е.Е. составил план подготовки к магистерскому экзамену. И вдруг узнал, что он не будет оставлен при университете, что не будет допущен к магистерскому экзамену, так как профессор Б[илимови]ч, у которого ему надлежало держать экзамен, твердо и решительно отказывался принять «красного студента» под свое руководство и вообще не допускал его (его оставление) при университете. Е.Е. был очень удручен и раздражен неожиданным препятствием, пытался устранить его при помощи влиятельных, расположенных к нему профессоров [математиков Д.А. Граве и В.П. Ермакова, специалиста по теории чисел, а также декана факультета проф. М.М. Ясинского], но все усилия были тщетны: правая профессорская группа оказалась сильнее»²¹.

Испытывая, как выясняется, большую личную неприязнь к Слуцкому по политическим соображениям, Билимович был всего на 4 года старше. Судя по всему, этот момент оказался решающим для возникновения ревности и зависти к таланту «красного студента». И конечно же, Билимович, ставший уже в 1909 г. экстраординарным профессором, не мог забыть «мальчишескую выходку» Слуцкого, в результате которой того на 1907–1908 учебный год исключили из университета (Слуцкий, 2010, с. 1121; РГАЛИ, ф. 2133, оп. 2, д. 50, л. 13 об.).

Только в марте 1913 г. Слуцкий благодаря своей «Теории корреляции» (1912) и доброму участию профессоров Киевского коммерческого института, с которыми у него сложились долгие теплые отношения, — Л.Н. Яснопольского, О.О. Русова, К.Г. Воблого и, видимо, некоторых других, сумел устроиться на официальных условиях оплаты по найму. В этом переходе под покровительство статистиков берет свое начало *преобладающее влияние в гла-*

21. РГАЛИ, ф. 2133, оп. 2, д. 50, л. 22 об. — 23.

зах общественного мнения Слуцкого-статистика над Слуцким-экономистом.

В то же время обнаруживается тесная связь Слуцкого с «Киевской математической школой»: любопытно, что активным участником ее был математик Антон Дмитриевич Билимович, 1879 г.р., младший брат Билимовича-экономиста. Слуцкий посещал семинары под общим руководством Д.А. Граве по крайней мере в 1908–1914 гг. И вот Граве, оказывается, поддерживал Слуцкого в его борьбе с Билимовичем-экономистом.

Из письма Слуцкого жене (конец июня 1912 г., поясняющие скобки Слуцкой): «Я был вчера у Граве (профессор математики, противник правых течений в университете). Он рассказал мне кое-что интересное... Открыл еще две пакости Билимовича (очень правый профессор, от которого зависело оставление Е.Е. при Университете). Во-первых, он про мои убеждения и взгляды нараспускал в университете таких сплетен, на которые был не вправе. Во-вторых, оказывается, что он и не думал серьезно предлагать математикам рецензировать мое сочинение; набрехал, значит, мне. Граве торжественно заверил меня, и я не имею оснований ему не верить, что он эту историю слышит в первый раз, что ему никто не предлагал читать мою работу. Граве, кажется, молодец, и я буду очень рад, если у меня с ним наладятся хорошие отношения»²².

События, связанные с вынужденным уходом Слуцкого из Киевского университета, могли бы показаться запоздалым сведением счетов и потому вовсе недостойными упоминания, если бы они ничего не говорили о его духовной эволюции. Однако в данном случае они больше говорят об эволюции самого Билимовича, которая с начала 1910-х гг. вдруг совершает неожиданный и крутой поворот. Выпускник юридического факультета (1900), занятый типичными для своего образования проблемами правоведения, свою первую работу (в 1902 г.) написавший в продолжение одной из монографий Пихно, Билимович со второй половины 1911 г. прекращает делать регулярные доклады на собраниях Киевского юридического общества и вскоре выпускает книгу (Билимович, 1914). Посвящая ее «дорогому учителю Дмитрию Ивановичу Пихно», он защищает ее

22. РГАЛИ, ф. 2133, оп. 2, д. 50, л. 29.

в качестве докторской диссертации в Санкт-Петербурге в 1915 г. (оппонентом выступал П.Б. Струве), а затем, словно вспомнив о своем первоначальном образовании, возвращается всерьез и надолго к одной из разновидностей институционализма (Билимович, 1916).

Уже один этот ретроспективный взгляд на творческое наследие Билимовича мог бы зародить подозрение в том, что существует какая-то связь между его сочинением 1914 г. и «Теорией предельной полезности» Слуцкого (1910), так и оставшейся лежать неопубликованной в библиотеке Киевского университета²³. Настойчивое умалчивание о Слуцком и его диссертации в поздних работах Билимовича 1930-х гг., специально посвященных проблеме полезности и ее измеримости (Bilimovič, 1930, s. 114–115; 1933, s. 170), только усиливают подозрения. В работах Слуцкого, в свою очередь, также нет упоминаний ни о самом Билимовиче, ни о его книге.

Обращаясь непосредственно к тексту самого сочинения (Билимович, 1914), имеет смысл держать «в уме» диссертацию Слуцкого. При чтении возникают черты характерного сходства, которые, однако, скорее ощущаются интуитивно, чем выражены в заимствованных выражениях и цитатах. Нет слов, Билимович действительно хорошо постарался, выполнив свою работу так, что никто за сто лет ничего не заподозрил; но это не работа творца. В лучшем случае ее можно расценить как подробный комментарий к «Теории предельной полезности» (содержится по большей части в объемных сносках).

Свою работу Билимович построил по существу на двух контр-«находках», вытекающих из текста (Слуцкий, 2010, с. 98, 162–163): 1) тезисе о том, что потребности могут быть только *сравнимы*, но не *измеримы* в количественном отношении, и 2) на заполнении недостающих библиографических лакун, коль скоро Слуцкий

23. «В этой работе он осуществил свою давнюю мечту о применении математики к экономическим исследованиям. Работал он над нею с увлечением, вложил в нее свои любимые мысли... За это сочинение Е.Е. получил золотую медаль, но оно прошло незамеченным и никогда напечатано не было: ни тогда, ни после. В то время, когда оно было написано, оно затруднило профессоров экономистов математикой, а впоследствии, в Советское время, его работа, хотя и не противоречила, но не совпала с планами того времени развития экономических наук, а потому никого не могла заинтересовать, даже привлечь внимание никого не могла к себе». Из неопубликованных «Воспоминаний» Ю.Н. Слуцкой: РГАЛИ, ф. 2133, оп. 2, д. 50, л. 13 об.

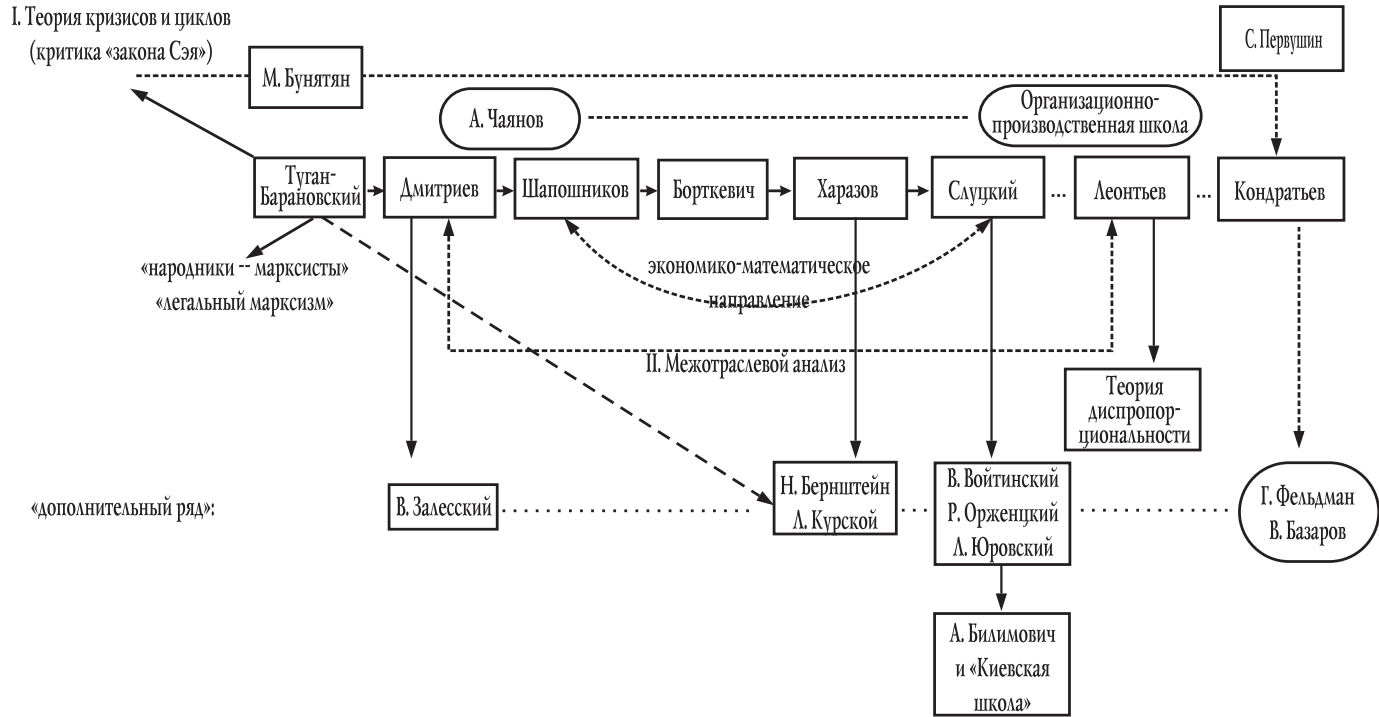

Рис. 3. Российская традиция экономического анализа как «базисный ряд»

неосторожно оговорился, каких авторов он не сумел по техническим причинам прочитать и процитировать. Первый тезис вполне разумно уводил Билимовича от строгой необходимости относить себя к сторонникам математического направления, второй же открывал возможности неограниченного расширения объема текста при наличии смутной исследовательской цели (Билимович, 1914, с. VII). «Книга наша изобилует литературными указаниями, в ней приведено много выбранных мест из различных авторов. Объясняется это... тем, что многое из приводимого нами очень мало известно; подобранные цитаты избавят других от необходимости перечитывать обширную литературу» (sic!). Любопытно видеть, как Билимович со всеми предосторожностями оговаривается затем относительно собственного вклада (там же). В тексте объемом в три сотни страниц дается только одна ссылка на «Теорию корреляции» Слуцкого 1912 г., да и то в сноске (Билимович, 1914, с. 171).

Все это, однако, не помешало историку Х.-Ю. Серафиму, ничего не знавшему ни о диссертации Слуцкого, ни о его статье 1915 г., заявить в 1920-е гг. (к тому времени Билимович успел уже эмигрировать в Югославию), что «теоретическую концепцию Билимовича по ее законченности и логической отточенности можно сравнивать с лучшими образцами западноевропейских теоретических исследований» (Seraphim, 1927, s. 216).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После столь подробного анализа отдельных сочинений и фактов целесообразно еще раз окинуть взором весь период существования традиции.

Начало описания традиции с имен Туган-Барановского и Дмитриева позволяет увидеть не только моменты сходства и преемственности, но и моменты расхождения между обоими экономистами. «Линию Туган-Барановского» продолжали Н.И. Бернштейн (1911) и Л.В. Курской (1916), которые оперировали понятиями «круговращающегося продукта» и «чистого продукта». Они проделали определенный путь от Туган-Барановского к Харазову, особенно если смотреть в плоскости 2-го аспекта возвратного движения. «Линия Дмитриева» в экономической теории развивалась уже институционально за рубежом (Борткевич, В. Леонтьев). В России ее продолжили С.А. Первушин (1909–1912, 1925) и М.М. Виноградова (1916), но уже в аспекте теории циклов. В этом контексте Туган-Барановскому противостоял М.А. Бунятыян (1907–1908, 1915, 1928), но в теории ценности он стоял на позициях австрийской школы. Поэтому в очерченную нами традицию экономического анализа он не попадает, хотя, естественно, нельзя сказать, что он этим анализом не занимался. Другим самостоятельным вопросом остается интеграция в традицию наследия А.В. Чаянова (несмотря на связь с формулой 6 главы II) и теоретиков организационно-производственного направления, включая Н.П. Огановского. Но здесь момент целесообразности должен, на мой взгляд, превалировать над возможностью

и необходимостью. В конце концов, желания упростить сложное, выхолостить его, свести все многообразие российской мысли указанного периода к одной какой-то традиции, пусть и настолько значимой, у меня не было. Необходима здоровая реакция на процессы дезинтеграции сообщества, на утрату российской мыслью своего «лица» и достижений, которые, как показывает изложение, несомненно, имелись.

Обращаясь к периоду 1920-х годов, стоит отметить, что наследие Г.А. Фельдмана, а также В.А. Базарова в определенной степени покрывается Суздальской моделью экономического роста Н.Д. Кондратьева 1934 г. Это и зафиксировано на приведенной схеме (рис. 3). Относительно других авторов (среди которых отметим еще Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского, Г.Я. Сокольников, И.И. Рубина) ничего определенного пока сказать нельзя по причинам, указанным выше.

ЛИТЕРАТУРА

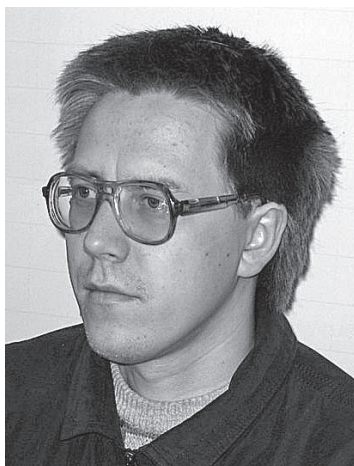
1. *Абалкин Л.И.* (2000). Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: Институт экономики РАН.
2. *Белых А.А.* (2007). История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет. Изд. 2-е, доп. М.: ЛКИ.
3. *Бернштейн Н.* (2011) [1911]. Теория рынков Карла Маркса и М.И. Туган-Барановского // Маркс (2011). Т. II.
4. *Билимович А.Д.* (1914). К вопросу о расценке хозяйственных благ. Ч. I. Теория потребностей. Понятие субъективной ценности, цены и меновой ценности. Киев: Тип. Императорского ун-та св. Владимира.
5. *Билимович А.Д.* (1916). Социальная теория распределения // Социальная теория... (2009).
6. *Билимович А.Д.* (1919). М.И. Туган-Барановский. Некролог // Неизвестный... (2008).
7. *Блюмин И.Г.* (1928). Субъективная школа в политической экономии. Т. I–II. М.: Изд-во Комакадемии.
8. *Борткевич В.И.* (2011) [1907]. К исправлению основополагающей теоретической конструкции Маркса в третьем томе «Капитала» // Маркс (2011). Т. III.
9. *Войтинский В.С.* (1906). Рынок и цены. Теория потребления рынка и рыночных цен / С предисл. М.И. Туган-Барановского. СПб.: Издание М.В. Пирожкова.
10. *Глазьев С.Ю.* (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар.

11. Гранберг А.Г. (2006). Жизненный и творческий путь Василия Леонтьева // Леонтьев В. Избранные произведения: в 3-х тт. М.: Экономика.
12. Дмитриев В.К. (1901). А.А. Мануйлов. Понятие ценности по учению экономистов классической школы [Рец. на кн.] // Русское экономическое обозрение. № 7.
13. Дмитриев В.К. (2001) [1904]. Экономические очерки. (Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности.) М.: ГУ ВШЭ.
14. Железнов В.Я. (2003) [1927]. Россия // Историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов / Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М.: Наука.
15. Залесский В.Ф. (1893). Учение о происхождении прибыли на капитал. Отдел I. Учение о ценности. Вып. I. Часть теоретическая. Вып. II. Часть критическая. Казань: Типо-литография Императорского университета.
16. Клюкин П.Н. (2014). Эвристическое значение принципа возвратной традиции (на примере творческого наследия Н.Д. Кондратьева) // Наследие Н.Д. Кондратьева и современность. СПб.: Алетейя. (В печати.)
17. Кондратьев Н.Д. (1989) [1925]. Большие циклы экономической конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика.
18. Кондратьев Н.Д. (2004) [1932–1938]. Суздальские письма. М.: Экономика.
19. Курской Л.В. (2011) [1916]. Теория рынка и промышленных кризисов М.И. Туган-Барановского // Маркс (2011). Т. II.
20. Ланге О. (1968) [1965]. Введение в экономическую кибернетику / Пер. с польского под ред. Е.З. Майминаса. Послесловие акад. Н.П. Федоренко. М.: Прогресс.
21. Леонтьев В. (1990) [1925]. Баланс народного хозяйства СССР (Методологический разбор работы ЦСУ) // Леонтьев В. Экономические эссе: Теории, исследования, факты и политика / Пер. с англ. В.Г. Гребенникова и др. Общая ред. С.С. Шаталина и Д.В. Валового. М.: Издательство политической литературы.
22. Леонтьев В. (2008) [1928]. Хозяйство как кругооборот // Физиократы... (2008).
23. Маевский В.И., Малков С.Ю. (2013). Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: Инфра-М.

24. Маркс К. (2011). Капитал. Критика политической экономии. Т. I-III. М.: Эксмо.
25. *Неизвестный...* (2008). Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Отв. ред. А.Д. Широкоград, А.А. Дмитриев. СПб.: Нестор-История.
26. Орженецкий Р.М. (1895). Полезность и цена. Политэкономический очерк. Одесса: Тип. А. Хакаловского.
27. Орженецкий Р.М. (1896). Учение о ценности у классиков и канонистов. Политико-экономический очерк. Одесса: Типография Штаба округа.
28. Орженецкий Р.М. (1903). Учение об экономическом явлении. Введение в теорию ценности. Одесса: Экономическая типография.
29. Орженецкий Р.М. (1909). Политическая экономия / Лекции, читанные проф. Р.М. Орженецким в Демидовском Юридическом Лицее в 1908–1909 г. Вып. I-II. Ярославль: Типо-лит. т./д. А.Г. Фальк и К°.
30. *О чем думают...* (2010). О чем думают экономисты. Беседы с Нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта. 2-е изд. М.: Сколково.
31. Покидченко М.Г. (2013). Адаптация, инновация и вновь адаптация – история российской экономической науки // Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС.
32. Самуэльсон П.Э. (2008). [1991]. «Хозяйство как кругооборот»: предисловие // Физиократы... (2008).
33. Слуцкий Е.Е. (1935). К вопросу об экстраполяции в связи с проблемой прогноза // Слуцкий (2010).
34. Слуцкий Е.Е. (2006). Теорія граничної корисності / За ред. В.М. Феценко. Київ: КНЕУ.
35. Слуцкий Е.Е. (2010). Экономические и статистические произведения. Избранное / Науч. ред. П.Н. Ключкин. М.: Эксмо.
36. *Социальная теория...* (2009). Социальная теория распределения: С.И. Солнцев, М.И. Туган-Барановский, А.Д. Билимович / Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М.: Наука.
37. Спиноза Б. (1998). Трактат об усовершенствовании разума // Спиноза Б. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
38. Сраффа П. (1999) [1960]. Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории. М.: Юнити-Дана.

39. Туган-Барановский М.И. (1890). Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. Т. 6. Кн. 2. № 10. СПб.
40. Туган-Барановский М.И. (1997) [1894, 3-е изд. 1914]. Периодические промышленные кризисы. М.: РОССПЭН.
41. Физиократы... (2008). Физиократы. Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.-С. Дюпон де Немур. Избранные экономические произведения / Науч. ред. П.Н. Ключкин. М.: Эксмо.
42. Харрод Р., Хансен Э. (1997). Классики кейнсианства: В 2 т. М.: Экономика.
43. Холтон Дж. (1981). Тематический анализ науки. М.: Прогресс.
44. Чаянов А.В. (1989) [1912]. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика.
45. Четвериков Н.С. (1959). Жизнь и научная деятельность Е.Е. Слуцкого // Ученые записки по статистике. Т. V. М.: АН СССР.
46. Шапошников Н.Н. (1909). Основы политической экономии М.И. Туган-Барановского [рец. на кн.] // Критическое обозрение. Вып. V.
47. Шапошников Н.Н. (1912а). Вальрас // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Тип. акц. об-ва «Брокгауз-Эфрон». Т. 9.
48. Шапошников Н.Н. (1912б). Теория ценности и распределения. Критическое исследование о новейших течениях в экономической теории. М.: Тип. торг. дома «Мысль».
49. Шумпетер Й.А. (2007) [1911, 1982]. Теория экономического развития // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Под ред. В.С. Автономова. М.: Эксмо.
50. Шухов Н.С. (1987). Математическая экономия в России (1867–1917) // Экономика и математические методы. Т. XXIII. Вып. 4.
51. Юровский Л.Н. (1919). Очерки по теории цены. Саратов: Издание союза потребительных обществ Саратовского края.
52. Яковец Ю.В. (2002). Наследие Н.Д. Кондратьева: взгляд из XXI века // Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М.: Экономика.
53. Bilimovič A. (1930). Irving Fishers statistische Methode für die Bemessung des Grenznutzens // Journal of Economics. Wien. Vol. 1. No. 1. Feb.

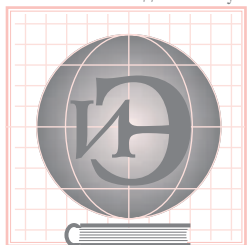
54. *Bilimovič A.* (1933). Ein neuer Versuch der Bemessung des Grenznutzens // *Journal of Economics*. Wien. Vol. 4. No. 2. April.
55. *Bortkiewicz L. von.* (1906–1907). Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Bd. XXIII. H. 1; Bd. XXV. H. 1–2.
56. *Bortkiewicz L. von.* (1921). Objektivismus und Subjektivismus in der Werttheorie // *Ekonomisk Tidskrift*. Bd. 21.
57. *Charasoff G. von.* (1910). Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik. B.: Hans Bondy.
58. *Neumann J. von.* (1945–1946) [1932, 1937]. A Model of General Economic Equilibrium // *Review of Economic Studies*. Vol. 13. No. 1.
59. *Samuelson P.A.* (2001). A modern post-mortem on Böhm's Capital Theory: its vital normative flaw shared by presraffian mainstream capital theory // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 23. No. 3.
60. *Schefold B.* (1992). V.K. Dmitriev: Ein russischer Neoricardianer / *Schriften des Vereins für Socialpolitik, Gesellschaft für Wirtschafts- und Socialwissenschaften*. N.F. Bd. 115/XII.
61. *Schefold B.* (1996). Obituary: Piero Sraffa (1898–1983) // *Economic Journal*. Vol. 106. Issue 438.
62. *Seraphim H.-J.* (1927). Versuch einer Systematisierung der russischen Nationalökonomie // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Bd. 57.

**ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
КЛЮКИН**

Клюкин Петр Николаевич, 1978 г.р., доктор экономических наук (2012), доцент НИУ ВШЭ (с 2006), заведующий Лабораторией Института экономики РАН по изучению наследия российских экономистов (с 2013). Лауреат конкурса РАН по экономике для молодых ученых (2001–2002), обладатель памятных медалей РАЕН (2006) и Н.Д. Кондратьева (2010) за вклад в развитие общественных наук. Окончил с отличием магистратуру НИУ ВШЭ (2001), аспирантуру там же (2004). Стаж преподавательской деятельности 14 лет. В 2006–2011 гг. научный редактор серии «Антология экономической мысли» (издательство «Эксмо», 14 томов). Издавал классические произведения физиократов, А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Дж.М. Кейнса, В.К. Дмитриева, Н.Д. Кондратьева, Е.Е. Слуцкого, избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института. Переводил Ф. Кенэ, П.-С. Дюпон де Немура, Дж.С. Милля, В.И. Борткевича, М.А. Бунятына, В. Леонтьева, П. Сраффу, П. Самуэльсона. Автор статей для Большой российской (2005–2010) и Новой российской (с 2008) энциклопедий. Опубликовал свыше 150 научных работ.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

П.Н. Ключкин

Российская традиция экономического анализа
(1890–1935)

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

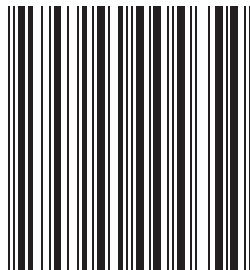
Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 11.03.2014 г.

Заказ № 15. Тираж 300. Объем 2,7 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0465-4

9 | 785994 | 004654 |